

Культура и свобода в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина

В очень содержательной литературе о *Письмах русского путешественника*⁸ сказано очень мало о том, какое место в эволюции писателя эти *Письма* занимают и как способствовали они превращению Карамзина-литератора в историка.

Ю. М. Лотман считал, что в Париже 1790 года «Карамзин услышал голос Клио, голос истории. С тех пор он уже не переставал звучать в его ушах»⁹. Сказано прекрасно, но тот же исследователь говорит, что «готовой идеи»¹⁰ он, Карамзин, из Франции не вывез. Замечание верное в том смысле, что в 1790 году у Карамзина не было и не могло быть какой-либо общей идеи о смысле революции во Франции и — шире — собственного взгляда на историю в свете всего, что совершилось в мире в 1790-е годы. Понятно, что для выработки такого всеобъемлющего взгляда нужно было время немалое, не один год. *Письма* создавались почти десять лет, поэтому правомерно рассматривать их как итог всего пережитого за это десятилетие. Карамзин писал и публиковал их с большими перерывами по различным, как сейчас принято выражаться, экстраписьональным обстоятельствам. Ю. М. Лотман неоднократно отмечает, что события 1790 года у Карамзина оттенены мыслями и впечатлениями поздних годов, например, 1794 или даже 1795¹¹.

Поэтому у нас есть право читать *Письма* как некий художественный итог пережитого и передуманного за все 1790-е годы.

Как известно, Карамзин обычно не отвечал своим, очень многочисленным критикам. Только один раз он захотел возвратить каким-то неназванным недоброжелателям в «Предисловии» к *Письмам*:

Много неважного, мелочи — соглашаюсь; но естьли в Ричардсоновых, Фильдинговых романах без скуки читаем мы — на пример, что Грандисон всякой день пил два раза чай с любезной Мисс Бирон; что Том Джонес спал ровно семь часов в таком-то сельском трактире: то для чего же и Путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей?¹²

Предисловие это появилось с датой «1793» в первом полном издании *Писем* 1797—1801 годов. Какие же «бездельные» подробности защищает Карамзин? Очевидно, речь идет о том, как подробно и с какой обстоятельностью сообщает путешественник в письмах о ценах в придорожных трактирах и корчмах, и о качестве еды. Так, въехав в Польшу, он сообщает:

В корчмах находили мы по сие время, что пить и есть: суп, жареное с салатом, яйца; и за это платили не более, как копеек по двадцати с человека. Есть везде кофе и чай; правда что все не очень хорошо! [12]

В Мемеле (уже Пруссия!):

За обедом ели мы живую, вкусную рыбу, которою Мемель изобилует; а как нам сказали, что Прусская корчма очень бедны, то мы запаслись здесь хорошим хлебом и вином. [14]

Дальнейшая поездка подтвердила информацию доброхотов:

В Прусских корчмах не находим мы ни мяса, ни хорошего хлеба. [16]

К числу берлинских впечатлений Карамзина относятся и цены в гостинице:

У Г. Блума плачу я за обед, который состоит из четырех блюд, 80 коп., за порцию кофе 15 коп., а за комнату в день 50 коп.

В Франкфурте русский путешественник нашел, что

...в трактирах стол очень дешев. Мне приносят всегда пять хорошо приготовленных блюд и еще десерт, на двух или трех тарелках, и за это плачу не более 50 копеек. Вино также очень дешево.

По мере продвижения путешественника на запад усиливается его восхищение ландшафтами:

Сию верхнюю часть Германии можно назвать земным раем. Дорога гладка как стол — везде прекрасные деревни — везде богатые виноградные сады — везде плодами обремененные деревья, — груши, яблоки и Грецкие орехи растут на дороге (зрелище, в восторг приводящее северного жителя, привыкшего видеть печальные сосны и потом орошаемые сады, где Аргусы с дубинами стоят на карауле!) [91]

Путешественник восхищается плодами свободного труда! Переезд из Эльзаса в Швейцарию у него вызывает восторг:

И так я уже в Швейцарии, в стране живописной Натуры, в земле свободы и благополучия! [97].

В горной швейцарской деревушке, куда Карамзин попал по дороге в Цюрих, «ужин» был скромнее, чем в городских трактирах, — тем более, что уже была глубокая ночь.

Прежде всего заговорили мы об ужине. Тотчас будет все готово, сказал трактирщик, и принес нам сырь, масла, хлеба и бутылку кислого вина. [115]

Общая оценка стоимости жизни в Швейцарии может показаться неожиданной:

Я слыхал прежде, будто в Швейцарии жить дешево; теперь могу сказать, что это неправда, и что здесь все гораздо дороже, нежели в Германии: наприм^{<ер>}, хлеб, мясо, дрова, платье, обувь и прочия необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаров. Где богаты люди, там дешевы деньги; где дешевы деньги, там дороги вещи. Обед в трактире стоит здесь (в Цюрихе. — И. С.) восемь гривен; то же самое платил я в Базеле и Шаффаузене. Правда, что в Швейцарских трактирах никогда не подают на стол менее семи или осьми хорошо приготовленных блюд, и потом на десерт на четырех или на пяти тарелках. [120]

Карамзин объясняет, что свобода и довольство Швейцаров достались им в результате упорной борьбы. Об этом путешественник, как бы мимоходом, напоминает своим читателям, когда описывает Цюрих:

В здешнем арсенале показывают стрелу, которою славный Вильгельм Телль сшиб яблоко с головы своего сына и застрелил Императорского Губернатора Гейслера... [109]

Подробнее рассказывает Карамзин о победоносном сражении с герцогом Бургундским Карлом Смелым в 1476 году, сражении, в котором Швейцары победили и отстояли свою свободу:

Карл Дерзостный, Герцог Бургундский, один из сильнейших Европейских Государей своего времени, бичь человечества, ужас соседственных народов, но воин храбрый, вознамерился в 1476 году покорить жителей Гельвеции, и гордость независимых смириТЬ железным скипетром тирании. Двинулось его воинство; разноцветныя знамена возвеялись, и земля застонала под тяжестью его огнестрельных орудий. Уже полки Бургундские во многочисленных рядах расположились на берегах Муртенского озера, и Карл, завистливым оком взирая на тихия долины Гельвеции, именовал их *своими*. В один час разнесся по всей Швейцарии слух о близости врагов, и миролюбивые пастухи, оставив хижины и стада свои, вооружились мгновенно секирами и копьями, соединились, и при гласе труб, при гласе любви к отечеству, громко раздавшемся в сердцах их, с высоты холмов устремились на многочисленных неприятелей, подобно шумным рекам, с гор падающим. Громы Карловы загремели; но храбрые, непобедимые Швейцары сквозь дым и мрак ворвались в ряды его воинства, и громы умолкли, и ряды исчезли под сокрушительною их рукою. Сам Герцог в отчаянии бросился в озеро, и сильный конь вынес его на другой берег. Один верный служитель вместе с ним спасся; но Карл, обратив взор на поле сражения, и видя гибель всех своих воинов, в исступлении бешенства застрелил его из пистолета, сказав: *тебе ли одному оставаться?* — Победители собрали кости мертвых врагов, и положили их близь дороги, где лежат они и поныне. [146]

Здесь же Карамзин приводит стихотворную надпись Галле-ра, воспевающую «верность» и «согласие» воинов-победителей.

Свобода дается борьбой и требует жертв, но тем поразительнее то, что достигнуто Швейцарами, в том числе чистота их домов:

В деревнях находите вы порядок и чистоту. Все крестьянские дома покрыты соломою, и разделяются обыкновенно на две половины: одна стоит из двух горниц и кухни, а другая из сенного магазина, житниц и хлевов. Не увидите вы здесь ничего гниющего, непочиненного; во всем соблюдена удобность, и все необходимое в изобилии и совершенстве.

Внешняя чистота — это производное от общего уровня культуры народа. В Швейцарии деревенские девушки читают Ричардсона и Клопштока, а в Кларане, деревне, которую Руссо сделал местом действия своего романа *Новая Элоиза*, многие из местных жителей знают этот роман и весьма довольны тем, что великий Руссо прославил их родину, сделав ее сценой своего романа. Работающий поселянин, видя там любопытного пришельца, говорит ему с усмешкою: *барин, конечно, читал Новую Элоизу?* [152]

Самому же Карамзину один старик показывал

...тот лесок, в котором, по Руссову описанию, Юлия поцеловала в первый раз страстного Сен-Прё, и сим магическим прикосновением потрясла в нем всю нервную систему его. [152—153]

«Довольство» (то есть благосостояние) швейцарских крестьян неотделимо от уровня их просвещенности, их привычки к книге. Швейцария — это страна, где просвещение народа помогло ему добиться свободы, а свобода стала условием «довольства».

Ни разу не видел русский путешественник нищих, которых так много всегда в России и которых он увидит во Франции.

Карамзин так объясняет своим читателям секрет благосостояния швейцарских крестьян:

Сие, можно сказать, цветущее состояние Швейцарских земледельцев происходит наиболее от того, что они не платят почти никаких податей, и живут в совершенной свободе и независимости, отдавая Правлению только десятую часть из собираемых ими полевых плодов. [127]

«Довольство» и «свобода» оказываются неразрывно между собой связанными, а весь прейскурант, о котором заботливо сообщает своим читателям Карамзин, нужен ему как понятное и ощутимое выражение этого «довольства».

По ходу путешествия следовало бы говорить о Франции, но мне показалось предпочтительнее сопоставить образ Англии с

картинами швейцарской жизни. Их объединяет тема «довольства» и свободы.

Говоря об английской свободе, Карамзин ни разу не вспоминает о короле, о королевской власти, ее границах и возможностях. Англия в его изображении выглядит парламентарным государством.

Английское «довольство» не подкрепляется указанием цен на продукты и услуги. Это легко объяснимо: в конце 1790-х годов приводить цены 1790 года было бы нелепо, настолько все это переменилось. Карамзин сосредоточивает внимание читателя на чистоте и всеобщем довольстве.

Начнем с чистоты. О дороге из Дувра в Лондон он пишет:

Какое многолюдство! какая деятельность! и притом какой порядок! Все представляет вид довольства, хотя не роскоши, но изобилия. Ни один предмет от Дувра до Лондона не напомнил мне о бедности человеческой. [329]

Вот он в Дуврском трактире:

Мне хотелось видеть Английскую кухню. Какая чистота! На полу нет ни пятнышка; кастрюли, чашки — все бело, все светло, все в удивительном порядке. Каменные уголья пылают на большом очаге, и розовым огнем своим прельщают зрение. Хозяйка улыбнулась очень приятно, когда я сказал ей: «вид Французской кухни не редко отнимает аппетит; вид вашей кухни производит его». [328]

Чистота и неразлучное с ней довольство подчеркивается сравнением Лондона с только что покинутым Парижем:

...редкая чистота, опрятность в одежде людей самых простых, и какое-то общее благоустройство во всех предметах — образуют картину неописанной приятности, и вы сто раз повторяете: *Лондон прекрасен!* Какая разница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка; там палаты, из которых ползут бедные люди в раздранных рубищах: здесь из маленьких кирпичных домиков выходят Здоровье и Довольствие, с благородным и спокойным видом — Лорд и ремесленник, чисто одетые, почти безо всякого различия; там распудренный, разряженный человек тащится в скверном фиакре, здесь поселянин скакет в хорошей карете на двух гордых конях; там грязь и мрачная теснота, здесь все сухо и гладко — везде светлый простор, не смотря на многолюдство. [331]

Лондонская чистота, в частности, поразила Карамзина, когда он узнал, что тротуары «всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь и в пыль ноги у вас чисты». [336]

О всеобщей грамотности Карамзин не говорит — она подразумевается, — поскольку он подробно говорит о том, что читают люди из народа.

Служанка в трактире

В 8 часов утра приносит [...] мне чай с сухарями, и разговаривает со мною о Фильдинговых и Ричардсоновых романах. Вкус у нее странной: на пример, Ловелас кажется ей несравненно любезнее Грандисона [...], а Клариссу называет умною дурою. Таковы Лондонские служанки. [336]

У этих лондонских читательниц Ричардсона, если верить Карамзину, свой, свободный взгляд на популярных литературных героев.

Свою общую характеристику английского национального характера Карамзин заключает высокой оценкой «просвещенности» нации:

...здесь ремесленники читают Юмову Историю, служанки Йориковы проповеди и Кларису ... здесь газеты и журналы у всех в руках, не только в городе, но и в маленьких деревеньках. [381]

Почему Карамзин уделяет так много внимания тому, что читают англичане? В круг чтения англичанина входят газеты и журналы, то есть полная хроника политической и общественной жизни его страны, он читает парламентские отчеты и, зная об этом, Карамзин особенно восторгается тем, что «что земледелец говорит вам о Шерidanовом красноречии». [381] И далее следует высокая оценка гражданской сознательности англичан, того, что Карамзин называет «просвещением»:

Англичане просвещены, знают наизусть свои истинные выгоды, и если бы какой-нибудь Питт вздумал явно действовать против общей пользы, то он непременно бы лишился большинства голосов в Парламенте, как волшебник своего талисмана. И так не Конституция, а просвещение Англичан есть истинный их Палладиум. [383]

Не конституция потому, что в Англии, как известно, конституции в собственном смысле нет, а просвещение, как понимает его Карамзин, это уровень гражданского самосознания нации.

Швейцария и Англия добились свободы и довольства после долгой и кровавой борьбы. Посетив Тауэр, Карамзин вспоминает *Историю Англии* Юма:

...память моя тотчас представила мне ряд нещастных Принцев, которые в этой крепости были заключены и убиты. Английская История богата злодействами; можно смело сказать, что по числу жителей в Англии более неожели во всех других землях погибло людей от внутренних мятежей. Здесь Католики умерщвляли Реформатов, Реформаты Католиков, Роялисты

Республиканцев, Республиканцы Роялистов; здесь была не одна Французская Революция. Сколько добродетельных патриотов, Министров, любимцев Королевских положило свою голову на эшафоте! Какое остервенение в сердцах! какое исступление умов! [348]

Итак, свобода и довольство достались англичанам дорогой ценой, путем революционной борьбы.

Теперь вернемся во Францию. Я уже приводил сравнение парижской грязи и лондонской чистоты, которое делает Карамзин. Парижская грязь у него нужна, чтобы показать социальные контрасты в этом городе, как и во всей Франции. Пройдя Тюильри, сообщает Карамзин,

...увидите... тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов — зажмете нос и закроете глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливаются в Париж нечистота и гадость.

Далее оказывается, что

улицы все без исключения узки и темны от огромности домов; славная *Сент-Оноре* всех длиннее, всех шумнее и всех грязнее. Горе бедным пешеходцам, а особенно когда идет дождь! Вам надобно или месить грязь на середине улицы, или вода, льющаяся с кровель через дельфины, не оставит на вас сухой нитки. [219]

«Грязь» города из черты быта превращается в социальное бедствие, ведь опасна она «бедным пешеходцам», а не тем, кто ездит в каретах.

«Грязь» у Карамзина получает социальную функцию, как через полстолетия «мороз» в *Шинели Гоголя*.

Основной же контраст в письмах из Франции — это контраст роскоши и бедности. Картины бедности сопровождают путешественника по всей дороге:

...везде видели приятные места, и на каждой станции — были окружены нищими! Товарищ наш Француз говорил, что они бедны от праздности и лени своей, и потому не достойны сожаления; но я не мог спокойно ни обедать, ни ужинать, видя под окном сии бледные лица, сии раздранные рубища! [213]

Все, кто писали о Париже в XVIII веке, писали о контрастах роскоши и бедности, но только Карамзин увидел другой контраст — противоречие культур, свидетельствующее о резком разрыве между третьим сословием и привилегированной частью нации, в особенности аристократией, до революции 14 июля 1789 года претендовавшей на гегемонию в культуре.

Нагляднее всего это видно в парижских театрах, куда ходят все:

...Не говоря уже о богатых людях, которые живут только для удовольствий и рассеяния, самые бедные ремесленники, Савояры, разнощики почитают за необходимость быть в Театре два или три раза в неделю; плачут, смеются, хлопают, свищут и решат судьбу пьес. В самом деле между ими есть много знатоков, которые замечают всякую щастливую мысль Автора, всякое щастливое выражение актера. A force de forger on devient forgeron?* — и я часто удивлялся верному вкусу здешних партеров, которые по большей части бывают наполнены людьми низкого состояния. Англичанин торжествует в Парламенте и на бирже, Немец в ученом кабинете, Француз в театре. [241]

Так понимает искусство «простой народ», но он не только судит об игре актеров и качестве пьес. Он оценивает поведение актеров, их взаимоотношения и произносит свой суд. Когда корифей французской драмы Ла-Рив старался всячески помешать игре молодой актрисы Дюгарсен¹³, то публика «с неудовольствием приметила сию непохвальную черту сердца его, и славный Ла-Рив был освистан партером» [235] и два года не появлялся на сцене. «Партер» — это и есть люди «низкого состояния» — вершители судеб французского театра.

В то время, когда Карамзин жил в Париже и увлекался театральной жизнью этого города, «простой народ» еще не стал определять ход революции, хотя и заставил короля переехать из Версалья в Париж.

Но то, что Францию ждут еще невиданные перемены, в которых «простой народ» станет основной динамической силой, можно было предвидеть.

Франции еще предстояло пройти тот путь, который прошла Англия.

Поездка в Европу, а затем осмысление европейских впечатлений в длительной работе над *Письмами* способствовали отказу от отвлеченно-утопических идей, навеянных общением с масонами, и переходу на совершенно иные позиции. Утопист стал прагматиком и в этом смысле пришел к историческому взгляду на тот ход событий, наблюдателем которых он стал в Европе и участником — в России.

Думаю, что мировоззренческие итоги знакомства с Европой были, скорее всего, неожиданными и для самого Карамзина, а не только для его московских друзей и знакомцев.

Масон Багрянский писал Кутузову (29 января 1791 г.):

* Начнешь ковать — сделаешься кузнецом? (Фр.).

Лорд Рамзей (масонское прозвище Карамзина) возвратился до меня, вы его не узнаете, он изменился и телом духом. <...> Обо всем, что касается родины, он говорит с презрением и с поистине кричащей несправедливостью. Обо всем же, что касается чужих стран, говорит с восхищением¹⁴.

Кутузов в мае 1791 г. писал А. А. Плещеевой:

*...он не имел никогда уважения к своему отечеству; путешествие его, виденное им, слышанное им, свобода, сопряженная с каждым путешественником, — все сие совокупно неуважение его превратило в презрение, которого, может быть, и сам он не подозревает...*¹⁵

О «свободе», которой наслаждается путешественник, писал и сам Карамзин. В письме из Лондона (июля... 1790) он дает окончательную формулу своего понимания путешествия:

Я не знал, где мне приклонить голову в обширном Лондоне, но ехал спокойно, весело; смотрел и ничего не думал. Обыкновенное следствие путешествия и переездов из земли в землю! Человек привыкает к неизвестности, страшной для домоседов. *Здесь есть люди: я найду себе место, найду знакомство и приятности* — вот чувство, которое делает его беззаботным гражданином вселенной! [331]

Свобода помогла Карамзину в ходе путешествия найти общую точку зрения на прошлое и на переживаемую им современность. Путешествуя и осматривая, он увидел историю не в книгах, а в материальном воплощении. Например, дворцы и парки Версия он описывает так, чтобы всегда указать, кто их создал и какое участие в этом принял вдохновитель и заказчик — Людовик XIV. Все виденное Карамзиным в Версале отражает и воплощает два века королевского правления во Франции, его величественное начало и бесславный конец.

Для того, чтобы понять историю как динамику, а не как статическое противопоставление эпох разумных и эпох невежества, надо было преодолеть барьер, созданный исторической мыслью XVIII века между веком разума и тем, что ему предшествовало. Карамзин понял, что цивилизация современной Европы в ее высших достижениях, материальных и культурных, создалась не за один день, появилась не внезапно, не по мановению просвещенного правителя, а в результате длительной борьбы за свободу, как необходимое условие цивилизованного существования. Увиденные им страны Европы он застал как бы на разных ступенях прогресса в сознании (и обретении) свободы — если употреблять известную формулу Гизо.

Немецкие земли еще довольствовались свободой в мире философских и литературных интересов, Франция вела трудную и опасную для самого понятия свободы борьбу. Швейцария и Анг-

лия каждая своим путем добилась свободы и «довольства» — благосостояния, как сказали бы мы сегодня.

Теперь можно вернуться к тому, о чем мы говорили ранее, — к трактирным счетам и почтовой оплате. Мы можем попробовать ответить на замечания тех, которые недоумевали, а может быть, и тем, кто недоумевает и сейчас: зачем Карамзину понадобились эти «бездельные» подробности?

Карамзин, как и многие в его время, не видел разрыва между культурой и цивилизацией — разрыва, придуманного в XX веке для объяснения роли «множеств» (термин Александра Блока) в исторических событиях этого столетия. Карамзин был убежден, что культура включает в себя нравственные законы и нормы поведения личности, чистоту домов и улиц, всеобщую грамотность и любовь к литературе, умение ценить актерскую игру и сознательное участие в выборной кампании. Словом, культура для него — это и степень политической свободы и высокий уровень материального благосостояния. Культура и свобода едины и взаимообусловлены — таков смысл *Писем* и такова основа его мировоззрения, сложившегося к концу 1790-х годов, та основа, которая позволила ему понять историю как продолжение всей жизни каждой нации, а не только решений правителей или замыслов мудрецов, как любили в XVIII веке представлять историю Древней Греции или Рима.

Карамзин мысленно сопоставил прошлое и настоящее тех стран, которые он посетил, их «быт», то есть уровень материального состояния и степень политической свободы с прошлым этих же стран, воплощенных в произведениях архитектуры и живописи, мысленно же открыл для себя историю этих стран. Но это означало, что он преодолел те барьеры, которые мешали преодолеть абстрактно-утопический подход к истории и увидеть ее такой, какой она была всегда. Отсюда легко было, преодолев традиционное отношение к допросветительским эпохам, найти свой ключ к истории России.

